

Александр
Боровинских

Ноев Ковчег

Посвящается моему другу и учителю,
академику Николаю Павловичу Юшкину

«Чудо природы и тайна ее»

Так назвал камень поэт Э. Межелайтис. Сколько поэзии в этой простой фразе! Во все времена камень согревал, камень защищал, камень украшал человека. С камнем связано немало удивительных историй, легенд и сказаний.

«Вечные цветы Земли» — камни влекли к себе человека с древних времен неолита. Они будоражат и наше воображение гармонией кристаллов, поражают яркостью и многообразием окраски, своими замечательными свойствами, немеркнущей со временем красотой, тайнами зарождения и роста в недрах.

Мир камня бесконечно велик — это как волшебная книга с увлекательным сюжетом, но с недописанными страницами и даже целыми главами. Книга природы всегда открыта, всегда перед глазами, но никогда она не будет прочитана до конца. Познание природы, и мира камня в том числе, не имеет предела.

С любовью о камне писали Ферсман, Бажов, Мамин-Сибиряк, Куприн, Ефремов, Лесков, Пушкин, отдавшие толику своей любви «цветным глазам» Земли.

*Как дивно играет опал драгоценный!
В нем солнечный блеск и отливы Луны;
В нем чудится жизни поток переменный
И тихая прелесть ночной тишины...
А он, заключенный в объятьях кремнистых,
Впитал отдаленной природы цвета —
Лазурность морей в берегах золотистых
И пурпур, и зелень листа.*

Так писал поэт-геолог П. Л. Драверт. Прекраснее, по-моему, не скажешь.

Обо всем этом я узнал значительно позже. А в далеких пятидесятых годах прошлого столетия я, простой деревенский мальчишка, и понятия не имел, что такое геология, и тем более минералы. Но случилось как случилось! Два человека подвигли меня на выбор профессии, которой я посвятил всю жизнь: студент Свердловского горного института, проводивший каникулы в нашей деревне, который «дурил» нас, выдавая кристаллы пирита за золото, и учительница географии Лидия Ивановна Семенова, водившая нас ежегодно в туристические походы, с каждым годом все дальше и дальше. А места на Южном Урале, с точки зрения минералогии, райские. Однажды мы шлепали гуськом по лесной дорожке в Ильменских горах на территории Ильменского государственного минералогического заповедника на туристический слет в г. Миасс. Эти места не зря называют «Уральской Швейцарией» — красотища! Вдруг мой взгляд задержался на сухом русле временного ручейка. В руках оказался великолепный кристалл горного хрусталя чистой воды размером примерно с большой палец руки. Для меня и других пацанов это было чудо! находка переходила из рук в руки с восторженными характеристиками.

Не помню, куда он впоследствии делся, но с того дня «заболел» камнями всерьез и на всю жизнь. С этого момента начались мои коллекции, которые годами собирались и также

благополучно исчезали в связи с кочевым характером жизни геолога. Что-то дарилось, менялось, терялось, но кое-что оставалось. Особенно любил и люблю дарить камни ребятишкам. Их неподдельный интерес, блеск в глазах, их вечные вопросы — почему, как и зачем? И это главное, ради чего стоит собирать коллекции и постигать (возможно!) тайны «цветных глаз Земли». Тем более что у меня самого пять внуков и внучка!

Миасский геологоразведочный техникум, Пермский государственный университет — вехи моей учебы и приобщения к профессии. Практика во многих уголках Советского Союза; работа на Тянь-Шане, Урале (от Южного до Пай-Хоя), Тимане; друзья на бескрайних просторах России и зарубежья. Все это способствовало собирательству камней. Особенно учеба в техникуме, можно сказать в центре минералогической Мекки — Ильменском минералогическом заповеднике с его легендарными копиями, — усугубила и без того «хроническую каменную болезнь». Кто из коллекционеров не слышал об Ильменских горах и Ильменском заповеднике?! Все эти годы камень сопровождал меня, а я — его.

В 1992 г. я осел на постоянное место жительства в Сыктывкаре. Видимо, оседлость наложила свой отпечаток и на мои каменные увлечения. Если я ранее был приверженцем только камня — «дикаря», то в последние годы я благосклонно отношусь и к обработанному поделочному камню. Некоторые минералогии и коллекционеры восстают против такого «насилия» над природой, считая, что истинная красота в ее нетронутости, «первобытности». Таким ранее был и я. Но все в этом мире меняется. Главное, чтобы камень попал в руки неравнодушного человека с художественным вкусом.

Техника обработки камня совершенствовалась поразительно медленно. Каждая новая грань, облагораживающая форму древних орудий — плод мучительного поиска целых поколений наших предков. Микроскопические шажки на этом пути, современному человеку даже не заметные, занимали в десятки раз больше времени, чем переход от паровой машины к космической ракете.

В последние годы в круговороте камня на рынке появилось много ширпотреба, но зачастую среди камнерезных изделий попадаются удивительные — сродни самоцветам в темном царстве недр. И все потому, что камни отшлифованы и выявлены рукой художника, отлично чувствующего их структуру и скрытую красоту. Камнерез, угадывая грань шлифовки, придает камню какой-то неземной наряд.

Так у меня, с помощью опять же друзей, собралась очередная коллекция каменных фигурок животных и птиц, с легкой руки кого-то из сотрудников Геологического музея Института геологии Коми научного центра УрО РАН получившая название «Ноев ковчег».

Нет единого вкуса на все прекрасное. Потому у каждого коллекционера свои любимые камни. Моими любимыми камнями являются яшма и агат, хотя и к другим камням я отношусь с трепетом.

О яшме академик А. Е. Ферсман писал так: «Я не знаю другого минерального вида, который был бы более разнообразен по своей окраске, чем яшма: все тона, за исключением чистого синего, нам известны в яшме, и переплетаются они иногда в сказочную картину. А сегодня есть сведения, что выявлена и яшма синяя (ирнимит) на Дальнем Востоке. Однако мне ее увидеть не довелось до сих пор.

Агат — это отдельная «песня». Камень по рисунку столь же разнообразен, что и яшма, зачастую они похожи. Тиманская, серо-голубая разновидность агата словно свадебный наряд невесты. Агаты Колымы дышат холодом, метелями; их армянские собратья впитали солнце знойных широт; казахские — пейзажи тропических лесов, бразильские — суммировали всё вместе.

Наряду с малахитом и орлецом (родонитом) яшма является типично русским поделочным камнем. Российскими камнерезами из яшм созданы шедевры, получившие мировую славу. К сожалению, многие традиционные российские камни сегодня потеснены бразильскими, заирскими, австралийскими и камнями других регионов мира, к счастью, в моей коллекции еще много изделий уральских мастеров. Впрочем, камень национальности не имеет.

Размышляя о судьбе собранной коллекции, я все больше и больше приходил к мысли, что она доступна для обозрения до обидного малому количеству людей. Так родилась мысль о передаче ее на постоянную экспозицию в музей Института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. Эту идею поддержал мой учитель, друг и единомышленник — академик Николай Павлович Юшкин, тем более что она у нас зародилась на дружеской вечеринке. А на Руси уж так повелось, что многие добрые начинания зарождались именно в таких компаниях. Так появился «Ноев ковчег».

За помощь в подготовке издания книги выражаю благодарность сотрудникам Института геологии Коми НЦ УрО РАН — Григорию Николаевичу Каблису, Роману Альбертовичу Шуктому, Ирине Сергеевне Астаховой, [Светлане Ивановне Плосковой], Лилии Раиковне Ждановой, а также особую признательность выражаю моим многолетним соратникам на геологической тропе — Николаю Николаевичу Герасимову, Сергею Юрьевичу Попову, Алексею Витальевичу Пальшину и многим моим друзьям, без которых бы эта книга не появилась.

«Ноев ковчег» не постигла судьба предыдущих собраний. Сегодня эта коллекция каменных изделий талантливых мастеров расположилась в уютном зальчике музея, приведенном (благодаря и компании «Нобель-Ойл») в достойный вид.

Когда до меня доходят восторженные отклики посетителей музея о коллекции, для меня это «бальзам» на сердце.

Дорогие друзья, и прежде всего ребята, смотрите, радуйтесь, приобщайтесь к прекрасному, постигайте тайны подземных кладовых!

*Всегда ваш
Александр Боровинских*

Земноводные и рептилии

Любовь, кость, 6x4 см.

Из яйца, мрамор, 6x8 см.

Тортилла, нефрит, 6.5x4.5 см.

«Зеленый», змеевик, 16x3 см.

Кобра, кварцит, стекло, 1.5x3 см.

Динозаврик, оникс, 10x6 см.

«Гена», оникс, 10x3 см.

«Несмышлennyш», селенит, 6x4 см.

Змея, долерит,
гранат, металл, 4x3 см.

«Созерцание», оникс, 12x5 см.

Черепашка, малахит, 2x1.5 см.

«Удивление», эклогит, 6x5 см.

Черепашка, яшмоид, 4x3 см.

Черепашка, оникс, 3x4 см.

«Царевна-лягушка», керамика, 4x5 см.

Динозавр, янтарь, 6,5x4 см.

Кобра, яшма, 2x4 см.

«Устал», бирюза, 5x1.5 см.

Крокодил, серпентинит, 6x2.5 см.

Черпаха, бронза, стекло, 12х7 см.

Улитка, мрамор, аммонит, бронза, 5х3 см.

Улитка, горный хрусталь, 4х7 см.

«Хозяйка медной горы», горный хрусталь, 3х6 см.

«Любопытная», содалит, 3x2 см.

«На солнце», яшма, 6x5 см.

Черепашка, перламутр, 12x5 см.

Черепашка, перламутр, 10.5x5 см.

Жаба, малахит, 3x2 см.

Лягушка, яшма, 3x2 см.

Лягушка, яшма, 1,5x1 см.

Жаба, гематит, 3x2 см.

Варан, малахит, 8x2 см.

Лягушка, лазурит, 2x2 см.

«Чавой-то проглотила», серпентинит, 8x5 см.

Андрей Усачев

Храбрецы

У пруда по мягкой травке
Ходит маленький Васюк.
Ходит-смотрит: здесь паук,
Там дерутся две козявки,
Под скамейкой красный гриб,
На мостках сидят лягушки,
А в воде так много рыб
Мельче самой мелкой мушки.
Надо все пересмотреть,
Перетрогать, повертеть...
Ведь лягушки не кусают?
Пусть попробуют... Узнают!

А лягушки на мостках
Не спускают глаз с мальчишки:
Страшный, толстый... Прут в руках.
Ярко-красные штанишки...
Из-под шапочки крючком
Вьется, пляшет чубик рыжий...
Сам к мосткам бочком, бочком,
Подбирается все ближе.
Ведь мальчишки не кусают?
Пусть попробует... Узнает!

«Очаровашка»,
чароит, гранат, 2x4 см.

«Изжога», кость, 2x4 см.

«Малыш», флюорит, 3x2 см.

Черепашка, малахит, 5x2 см.

«Бюрократ»,
серпентинит, бронза, 3x3 см.

Черепаша, яшма, 5x3 см.

Черепаша,
аргиллит, 3x1.5 см.

«Золотая», янтарь, 5x2 см.

Черепашка, бирюза, 2x1.5 см.

Черепашки, яшма, рубеллит, бронза, 10x6 см.

«Затаился», оникс, 15х4.5 см.

Черепаша, яшма, 4х4 см.

Лягушка, кварцит, 3х2 см.

«После дождя», аметист, 3х2 см.

Улитка, яшма, 3х2 см.

«Царевна»,
горный хрусталь, 7х6 см.

Лягушка, селенит, 4х4 см.

Черепашка,
обсидиан, перламутр, янтарь, 3x1.5 см.

Морская черепаха, сердолик, 3x1.5 см.

Черепашка, стекло, металл, 3x3 см.

Ящерица, агат, бронза, 4x4 см.

Черепашки, раковины, 7x5 см.

Черепашка, раковины, 2x3 см.

Лягушата, стекло

Веселая семейка, стекло

«Маловата кальчужка», яшма, 8x4 см.

«Василиса»,
яшма, бронза, 2x4 см.

Черпаха, яшма, 4x3 см.

«Абаж», кальцит, 17x8 см.

«На солнышке», кальцит, 8,5x2 см.

Лягушка, агат, 4x3 см.

Змей, нефрит, 5,5x4 см.

«Кокетка»,
бронза, 6,5x4 см.

«Дружок»,
лава с напылением, 6x8 см.

Лягушка, яшма, опал, 3x2 см.

Рыбы и морские млекопитающие

Золотая рыбка, металл, нефрит, аметист, фианит,
хризолит, топаз, бриллиант, никель, эмаль, золото, 20x17 см.

Карась, яшма, 4х2 см.

Лещ, розовый кварц, 4х2 см.

В. Ланцберг
Карась

Он приблизился и замер
с изумленными глазами:
он — карась, а, как известно,
не сощуришь рыбий глаз.
По бокам себя захопал:
нет карманов — дело плохо,
значит, снова без обеда
неимущий рыбий класс.
Но не рупь ему я кину —
кину хлебную мякину.
Он на дно её утнет
и набьёт пустой живот.
Я люблюсь: что за морда —
просто клад для натюрморта!
Только вот рисую плохо,
так что пусть себе живёт.
Он, хоть пороха не нюхал,
горд своим зелёным брюхом.
Это след большой тревоги,
миновавшей час назад.
Час назад его ловили,
он отсиживался в иле,
ведь и мелочь на безрыбье
тоже мясо, говорят.
Помолчали мы изрядно
(хорошо и не накладно),
на прощание ударив
по рукам, по плавникам.
Он ушёл на погруженье,
мне осталось отраженье —
вроде он, но непонятно,
что за уши по бокам.

Ёрш, керамика, 16х15 см.

«Камбала», флюорит, 8х6 см.

Дельфин, яшма, 3x1.5 см.

Дельфин, розовый кварц, 8x4 см.

«Подводное зарство», металл, селенит, змеевик, розовый кварц, дымчатый кварц, обсидиан, 19x16.5 см.

Цирк, мрамор, 10х9 см.

В. Брянчус

Когда танцуют дельфины

Когда танцуют дельфины,
Так птицы щебечут на зорьке,
Уставшее сердце судна
Блаженства сигнал подает,

И видит впередсмотрящий,
веселый и дальнзоркий,
Зеленые всполохи молний
Над пенной громадой вод.

Когда танцуют дельфины,
Раскованно, самозабвенно
Выпрыгивая и взлетая
Над самой большой волной,

Все остальное сразу
Становится второстепенным,
Как будто бы перерождение
Происходит со мной.

Когда танцуют дельфины,
Душа отделится от тела
Стремится свободной птицей,
В пучину морскую летя,

И желтый тропический ливень,
Пролившийся оготело,
Обмоет живую водою,
Как мать обмывает дитя.

Когда танцуют дельфины,
Одoleвая теченья,
И океан, взрываясь,
Ломается пополам,

Тогда появляется радуга
И, обрета вдохновенье,
Искрящийся колокол неба
Передаст его нам.

«Стойка», лазурит, 2х5 см.

«Над волной», селенит, кальцит, 6х6 см.

Дельфин,
мрамор, 8х13 см.

Дельфин, оникс, 7х10 см.

«Ледяная», перламутр, 14x10 см.

«Ватака», сердолик, 5x3.5 см.

«Пара», гипс, 2x3 см.

Нерпа, горный хрусталь, яшма, стекло 6x5,5 см.

Пингвин, горный хрусталь, нефрит, 6x6 см.

Пингвин, стекло, 10x14 см.

Дельфин, фарфор, 8x6 см.

Морской котик, оникс, 6х5 см.

«Клыкастый», родонит, кахолонг, 3х2 см.

«Ё-моё», гематит, 3х1.5 см.

Морж,
аргиллит, ангидрит, 6х5 см.

«Бывалый»,
кальцит, ангидрит, 10х5 см.

Рыбина, мрамор, стекло, 13x13 см.

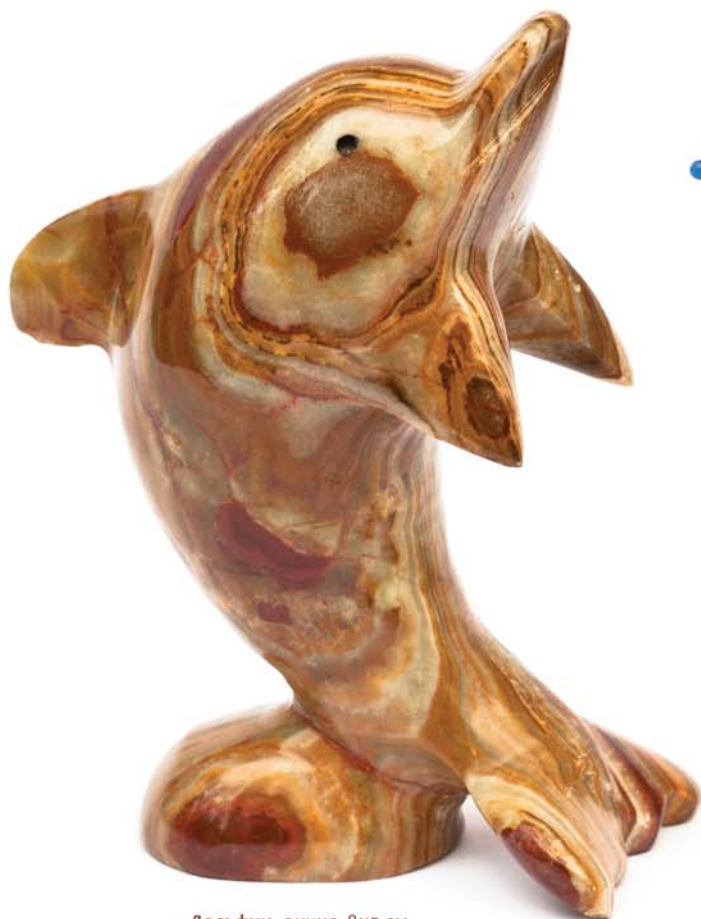
«Умиление», аргилит, 6x7 см.

«Пиранья», известняк, 4x5 см.

Пингвины, кварц, бронза, 12х6 см.

Дельфин, оникс, 8х5 см.

Дельфины, стекло, 5х8 см.

«Пиранья», кость, дерево, металл, 19x12 см.

Летучая рыба, кость, 31x17 см.

Юлий Ким
Рыба-кит

На далеком севере
Ходит рыба-кит, кит, кит,
А за ней на севере ходят рыбаки.

Ну, нет кита, ну, нет кита,
Ну, нет кита не видно.
Вот беда, ну, вот беда,
Ну до чего ж обидно, ага.

Как-то ночью черной
Вышел капитан тан тан тан.
И в трубу подозрную
Ищет он кита ха-ха.

Нет кита,
Но нет кита,
Но нет кита не видно,
Вот беда, ну, вот беда,
Ну, до чего ж обидно, ага.

Как-то юнга Дудочкин
Бросил в море лот, лот, лот.
И на эту удочку клюнул кашалот, о!

Вот и кит, ну что за вид,
Ну только ребра видно,
Фук, какой худой такой,
Ну до чего ж обидно, ага.

На далеком севере
Ходит раба-кит, кит, кит,
А за ней на севере ходят рыбаки.

Ну, нет кита, ну, нет кита,
Ну, нет кита не видно.
Вот беда, ну, вот беда,
Ну до чего ж обидно, ага.
Ну до чего ж обидно.

Кит, мрамор, стекло, 6x4 см.

Китенок, малахит, 4.5x2 см.

«На отдыхе», яшма, металлургический шлак,
кварц, кость, стекло, 6x4 см.

ПТИЦЫ

«Любопытный», аметист, розовый кварц,
зеленый кварц, сердолик, обсидиан,
металл, 18x45 см.

«Боец», яшма, 6х7 см.

«Хозяин», керамика, 6х4 см.

«Окоченел», горный хрусталь, кальцит, розовый кварц, селенит, металл, стекло, 10х7 см.

«Нежность», мрамор, 14x7 см.

Н. А. Заболоцкий

Лебедь в зоопарке

Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица, дева, дикарка —
Высокая лебедь плывет.
Плывет белоснежное диво,
Животное, полное грез,
Колебля на лоне залива
Лиловые тени берез.
Головка ее шелковиста,
И мантия снега белей,
И дивные два аметиста
Мерцают в глазницах у ней.
И светлое льется сиянье
Над белым изгибом спины,
И вся она как изваянье
Приподнятой к небу волны.
Скрежещут над парком трамваи,
Скрипит под машинами мост,
Истошно кричат попугаи,
Поджав перламутровый хвост.
И звери сидят в отдаленье,
Приделаны к выступам нор,
И смотрят фигуры оленье
На воду сквозь тонкий забор.
И вся мировая столица,
Весь город сверкающий наш,
Над маленьким парком теснится,
Этаж громоздя на этаж.
И слышит, как в сказочном мире
У самого края стены
Крылатое диво на лире
Поет нам о счастье весны.

Попугай,
горный хрусталь, содалит,
бронза, 6x7 см.

О. Чухонцев

Попугай

Мой удел невелик. Полагаю,
мне не слышать медовых речей.
Лучше я заведу попугая,
благо стоит он тридцать рублей.
Обучу его разным наукам.
Научу его всяким словам.
На правах человека и друга —
из него человека создам.
Корабли от Земли улетают.
Но вселенская бездна мертва,
если здесь, на Земле, не хватает
дорогого для нас существа.
Друг предаст, а невеста разлюбит,
отойдет торжествующий враг,
и тогда среди ночи разбудит
вдохновенное слово:

— Дур-рак!

Что ж, сердись, если можешь сердиться,
да грошовой едой попрекай.
Бог ты мой, да ведь это же птица,
одержимая тварь — попутай!
Близоруко взгляну и увижу:
это он, заведенный с утра,
подарил мне горячую крышу
и четыре холодных угла.
Так кричи над разбуженным бытом,
постигай доброту по складам.
Я тебя, дуралея, не выдам.
Я тебя, дурака, не продам.

Попугай, стекло, дерево, 7х23 см.

Филин, малахит, 3x5 см.

Сова, розовый кварц, 1x3 см.

Сова, яшма, 1x3 см.

«Мудрая», флюорит, 10x13 см.

Сова, глина, 3x6 см.

«Петя», малахит, 6х5 см.

Грация, стекло, 8х5 см.

Тукан, родохрозит, кварц, металл, стекло, 25х15 см.

«Старость»,
розовый кварц, кварц, малахит, кальцит, горный хрусталь,
серпентинит, металл, стекло, 8х6см.

Попугай,
горный хрусталь, серпентинит,
малахит, яшма, стекло, 6х7 см.

Н. Матвеева

Попугай

По клетке, шкафами задвинутой,
Где книги в пыли вековой,
Взъерошенный, всеми покинутый,
Он бегаёт вниз головой.
Чудак с потускневшими перьями!
Чудит, а под веками — грусть.
Язык истреблённого племени
Он знает почти наизусть.
Язык, за которым ученые
Спускаются в недра веков,
Где спят города, занесённые
Золой раскалённых песков...
Язык, что плетьюми виноградными
Петляет по плитам гробниц
И хвостиками непонятными
Виляет с разбитых таблиц.
Прекрасный язык — но забылся он,
Забылся, навеки уснув.
Огромный — но весь поместился он,
Как семечко, в маленький клюв.
Привык попугай разбазаривать
Бесценную ношу в тоске;
С собою самим разговаривать
На умершем языке,
В кольце кувыркаться стремительно,
Вниманья не видя ни в ком,
И сверху смотреть снисходительно,
Когда назовут дураком.

Попугай,
малахит, горный хрусталь, яшма, металл, 6х8 см.

«В полете»,
лава с напылением, 10x13 см.

Орел, оникс, 5x7 см.

В. Шефнер

Беркут в зоопарке

Нам ни о чем грустить не надо, —
Войдя, как в детство, в зоосад,
Мы с посетителями сада
Бредем куда глаза глядят.
Но все воспоминанья меркнут,
И поневоле грустно всем
Там, где насупившийся беркут
На груди каменную сел.
Он полон грузного бессилья,
И сразу не поверишь ты,
Что ощущали эти крылья
Блаженный холод высоты.
И пусть за проволокой тонкой
Есть небо, горы и пески, —
Глаза, задернутые пленкой,
Полны презрительной тоски.

«Охота»,
флюорит, 8x12 см.

Гусь, оникс, 7x4 см.

Гагара, нефрит, 5x3 см.

Гусь, металл, 5x6 см.

Утенок, горный хрусталь,
кальцит, малахит, яшма, бронза, 4x4 см.

Лебедь, селенит, 6х3 см.

Птицы, стекло, 6х5 см.

Э. Багрицкий
Птицелов

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птички,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.
Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.
В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.
И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой птице
Посвящает он манок.
Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, —
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.
Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый, —
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.
И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.
Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует, —
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

Калибри,
агат, молочный и зеленый кварц,
сердолик, мрамор, бронза, 10х11 см.

«На току», кость, 4x7 см.

Цапля, кость, 1,5x5 см.

Утка, яшма, 3x2 см.

Утка, аргиллит, 4x2,5 см.

А. Розенбаум
Глухари

*Гроздь рябины под окном
Мне не дадут никак уснуть...*

Глухари на токовище бьются грудью до крови,
Не на шутку расходились — быть бы живу...
Так и мы когда-то жили, от зари и до зари,
И влюблялись, и любили — мчались годы с той поры.
Мчались годы, стерлись клювы, раны зажили давно,
Только шрамы доброй памятью остались.
А рябину всю склевали да порвали на вино,
Но кто помнил — прилетали на знакомое окно.
Тянет осенью из леса... Дом, над крышей вьется дым...
И антоновка созрела, пожелтела...
Оглянуться не успел я — друг мой Вовка стал седым,
А ведь тоже, было дело, передергивал лады.
На болотах все, как прежде, крылья хлопают вдали,
Все буянят, все расплескивают удаль.
Ну а я уже не буду — занавесочку спалил —
И то вспомню, то забуду, как за птичками ходил.
Глухари на токовище бьются грудью до крови,
Не на шутку расходились — быть бы живу...
Так и мы когда-то жили, от зари и до зари,
И влюблялись, и любили — мчались годы с той поры.

Орел, песчаник, огненный опал, 3х6 см.

Сова, кальцит, 5х6 см.

«Семейка», агат, стекло, 14х4 см.

«Сыч», кальцит, металл, стекло, 21x13

«Кеша», лазурит, бирюза, кахалонг, кальцит, оникс, обсидиан, стекло, 66x54 см.

Петух, зеленый кварц, 2х3 см.

«Поцелуй», нефрит, 5х4 см.

«На вершине»,
родонит, 6х8 см.

В. Орлов
Цапли

Четыре длинные Цапли
Выходят на охоту,
А дождик по болоту —
Кап, кап, кап.
Идут четыре цапли
И стряхивают капли,
А клювы звонко щелкают —
Цап, цап, цап!
Идет, идет охота,
Заквакало болото,
Лягушки удирают
Со всех зеленых лап.
Им вовсе неохота,
Им страшно неохота,
Чтоб ЦАПЛИ их зацапали —
Цап, цап, цап!

Цапля, оникс, 4х13 см.

«Пухленький», селенит, 5x5 см.

«С добычей», аметист, металл, 5x5 см.

С. Марков
Синица

Грозилась под осень синица
Зажечь морские пески —
Звенящая синяя птица
Моей приполярной тоски.
Хотела синица сначала
Накликать на тундру грозу,
А после морозку склевала
В моем заповедном лесу.
Услышав трезвон невелички,
Я скрыть улыбки не мог,
Когда для птички-синички
Готовил надежный силок.
Багряные ягоды клюквы
Горят на туманном снегу,
Слагаясь в заветные буквы,
Которые я берегу.
Нетронуты! Милый прибыток!
Серебряный пух на руке,
Живой трепещущий слиток
Сверкает в упругом силке.
Ведь нужно и мне и синице
Петь песни в метельные дни,
В решетчатой белой светлице
О прутья звени да звени!
Мой кров голубая зарница
Осветит в январском плену,
Есть клетка, а в клетке синица,
Сыскать бы для дома жену.
И вновь прозвенит небылица,
Припомню лукавую речь;
Грозилась весною девица
Угрюмую душу зажечь.

«Золотое горлышко», янтарь, 3x3 см.

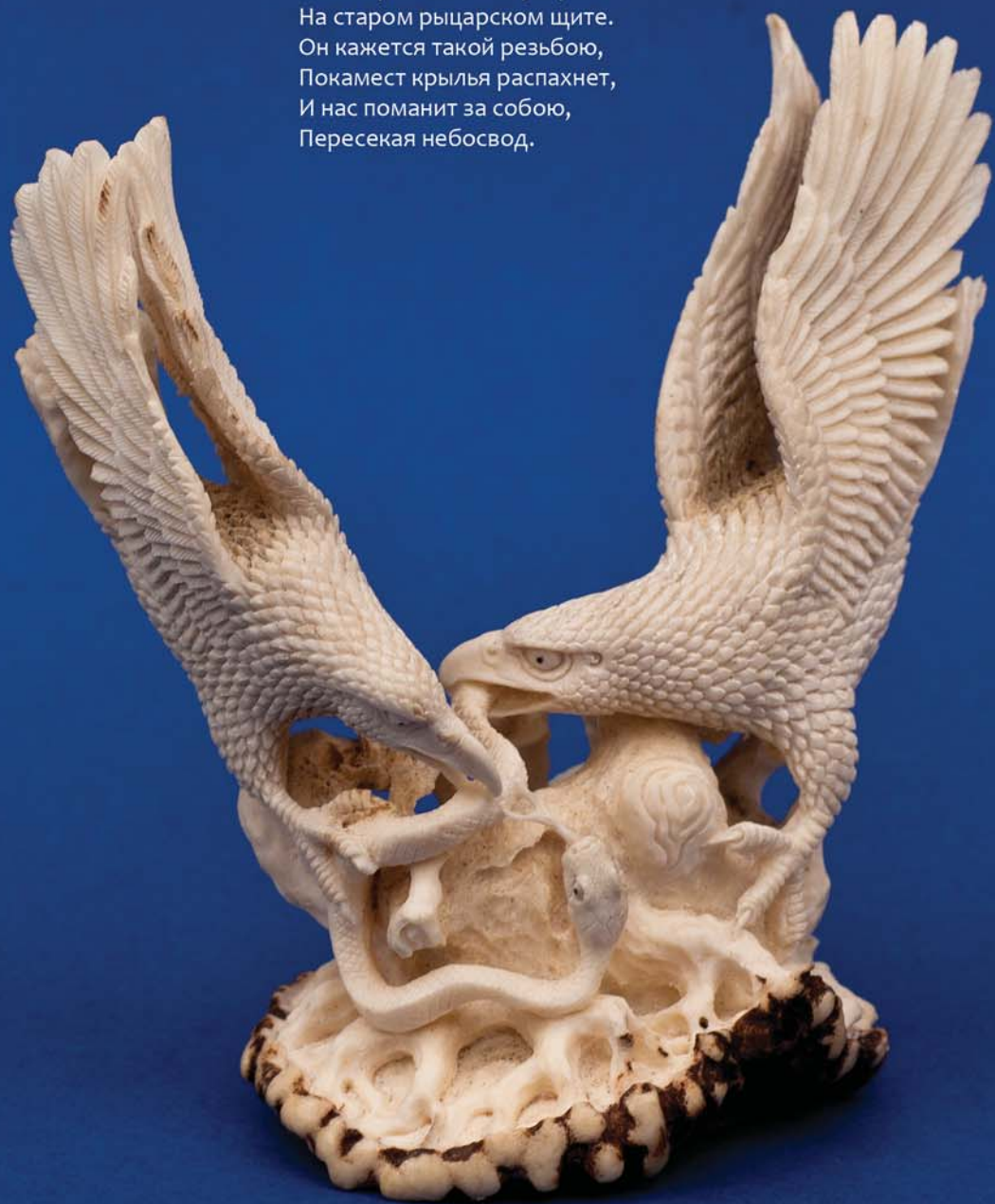

«Подружки», селенит, мрамор, кальцит, 12x12 см.

В. Шаламов

Ястреб

С тоской почти что человеческой
По дальней сказочной земле
Глядит тот ястреб узкоплечий,
Сутулящийся на скале.
Рассвет расталкивает горы,
И в просветленной темноте
Тот ястреб кажется узором
На старом рыцарском щите.
Он кажется такой резьбою,
Покамест крылья распахнет,
И нас поманит за собою,
Пересекая небосвод.

«Стервятники», кость, 9х7 см.

Галчата, стекло, 9x7 см.

Лебёдушка, стекло, 6x4 см.

Лебедь, керамика, стекло, 4.5x2.5 см.

Птица, яшма, 2x5 см.

Киви, нефрит, 2x2 см.

Гриф, стекло, 10x7 см.

«Клювонос», стекло, 5x4 см.

«Модница»,
лазурит, кварц, яшма, металл, 7x5 см.

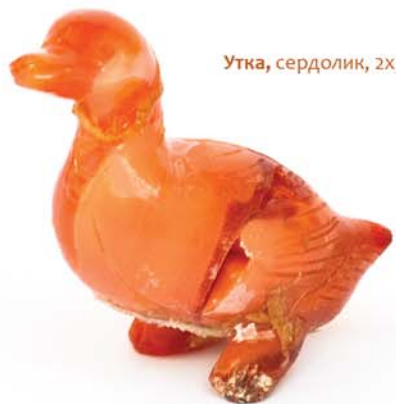
«Серая шейка», гипс, 5x3 см.

Утка, металл, 5x3 см.

Утка, хризопраз, яшма, стекло, 5x3 см.

Утка, сердолик, 2х3 см.

Орел, янтарь, 3х3 см.

Воробей, стекло, 4,5х4 см.

«Попугай индеец», пирофиллит, 2х5 см.

«Филин», венецианское стекло, 20х9 см.

Гагара, диабаз, 30x10см.

«Пугало»,
аргиллит, агальматолит, 10x12см.

Петух, яшма, 3x4 см.

«Золотой гребешок», янтарь, 7x8 см.

«Окоронанный», оникс, 6x4 см.

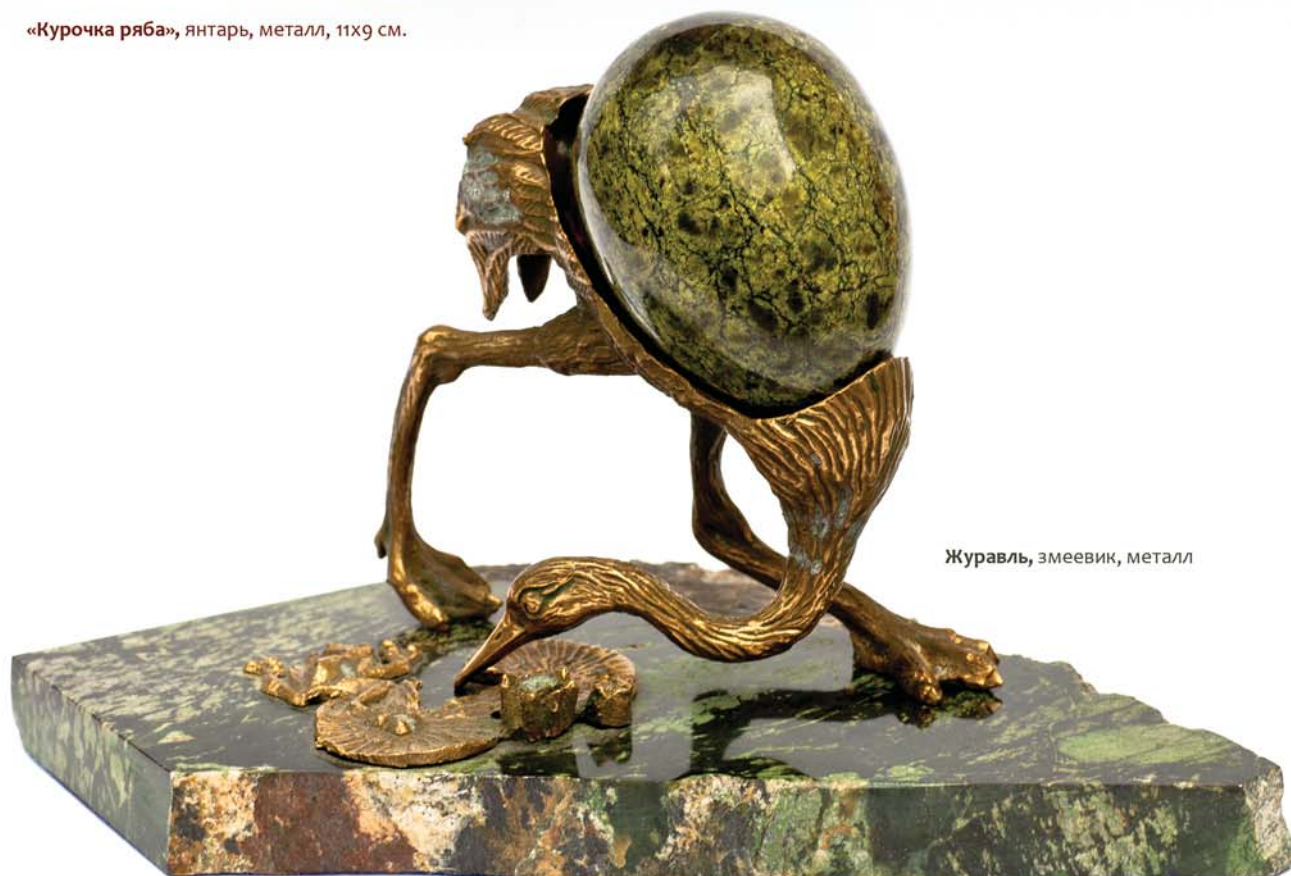
Петух, яшма, 6x7 см.

«Курочка ряба», янтарь, металл, 11х9 см.

«Красотка», металл, 4х3 см.

Журавль, змеевик, металл

Сова, ангидрит, кальцит, стекло, 25x9 см.

Домашние животные

«Скакуны», родонит, обсидиан, 25х35 см.

«Галоп», жадеит, 22х14 см.

П. Васильев

Конь

Топтал павлодарские травы не даром,
 От Гробны до Тыса ходил по базарам.
 Играл на обман средь приезжих людей
 За полные горсти кудлатых тrefей.
 И поднимали кругом карусели
 Веселые ситцевые метели.
 Прошли табуны по сожженным степям,
 Я в зубы смотрел приведенным коням.
 Залетное счастье настигло меня, —
 Я выбрал себе на базаре коня.
 В дорогах моих на таком не пропасть —
 Чиста вороная, атласная масть.
 Горячая пена на бедрах остыла,
 Под тонкою кожей — тяжелые жилы.
 Взглянул я в глаза, — высоки и остры
 Навстречу рванулись степные костры.
 Папаху о землю! Любуйся да стой!
 Не грива, а коршун на шее крутой.
 Неделю с хозяином пили и ели,
 Шумели цветных каруселей метели.
 Прощай же, хозяин! Навстречу нахлынет
 Поднявшейся горечью ветер полыни.
 Навстречу нахлынут по гривам песков
 Горячие вьюги побед и боев.
 От Гробны до Тыса по логом и склонам
 Распахнут закат полотнищем червонным.
 Над Первой над Конной издалека
 На нас лебедями летят облака.

Конь, малахит, 6х9 см.

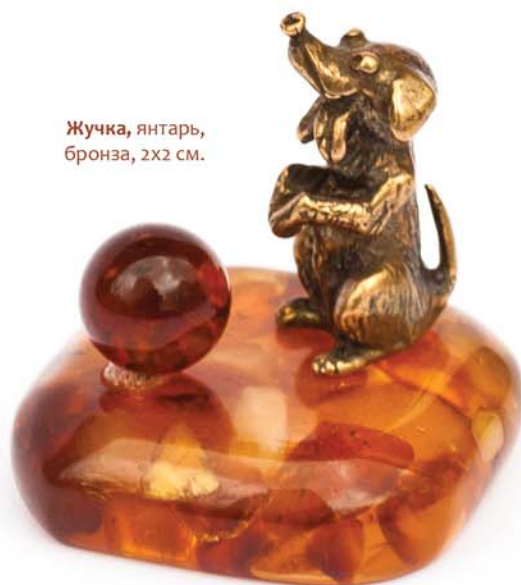
Пони, песчаник, 6х7 см.

Копытный, жадеит, 3х2 см.

Долматин,
эклогит, 4х4 см.

Жучка, янтарь,
бронза, 2х2 см.

«Мурка», лазурит, пирит, 4х3 см.

Киса, яшма, 2х1 см.

Лайка, янтарь, мрамор, 7x4 см.

«Джой», оникс, 5x4 см.

«Ротвейлер», бирюза, 6x4 см.

«Кошечка», агат, 2x4 см.

Котья, сердолик, 7x11 см.

Лайка, янтарь, мрамор, 7x4 см.

«Джой», оникс, 5x4 см.

«Ротвейлер», бирюза, 6x4 см.

«Кошечка», агат, 2x4 см.

Котья, сердолик, 7x11 см.

Хрюшка, гематит, 2x4 см.

Хрюшка, фарфор, 3x5 см.

Семейка, дерево, металл, 4x6 см.

Хрюшка, стекло, 2x2 см.

«Задира», стекло, 3x3 см.

Хрюшка, стекло, 2x1 см.

Лошадь, туф, 6x4 см.

Свинка, металл, 2x2 см.

Мартовские коты

Бронза, серпентинит, 13x10 см.

Бронза, серпентинит, 8x14 см.

Бронза, серпентинит, 8x11 см.

Козел, стекло, 3x4 см.

«Глазастый», керамика, 6x6 см.

Лошадка, стекло, 8x4 см.

«Отдыхающий», аметист, 6x3 см.

Козел,
стекло, 8x6 см.

Лошадь,
стекло, 4x5 см.

Корова, сердолик, 6х4 см.

«Сивка-бурка», яшма, 4х3 см.

Бычек, яшма, 3х2 см.

Буйвол, серпентин, 14х10 см.

«Бывалые», яшма, бирюза, 5x4 см.

Кошка, содалит, 2x1.5 см.

«Котик», амethyst, 4x5 см.

«Котик», малахит, 2x4 см.

«Такса», амethyst, 2x4 см.

«Верный», амethyst, 5x3 см.

«Кот», лазурит, 3x6 см.

«Котяра», яшма, 1х2 см.

«Кошак», нефрит, 3х2 см.

Бультдог, малахит, 2х1 см.

Собака, кальцит, 6х4 см.

«Алиса», янтарь, 2х4 см.

Собака, агат, 6х4 см.

«Каштанка», керамика, 11x8 см.

Ротвейлер, керамика, 7x9 см.

Терьер, селинит, 3x5 см.

В. Косторов
Рыжий Джонни

Как пружиной отраженный,
из подъезда на панель
вылетает резвый Джонни,
рыжий коккер-спаниель.
Он гордится сам собою,
риск звенит в его крови
для охоты, и для бою,
и, конечно, для любви.
«Я гуляю, в ус не дую». —
лает он накоротке.
И хозяйку молодую
тащит в снег на поводке.
Он струится, он смеется,
метит иней и жильё.
Почему-то сладко бьется
сердце грешное мое.
Мне б хлебнуть его отваги,
мне б метаться налегке,
мне б лететь через овраги
с девушкой на поводке.
Мне б ломиться силой властной
с опаленным языком
в мир безумный и прекрасный
пламенеющим комком.
И сверкать замороженно,
ощущая жизнь, как цель,
милый, глупый, резвый Джонни,
рыжий коккер-спаниель.

Щенок, флюорит, 3x5 см.

Песик, флюорит, 2x4 см.

Бобик, зеленый кварц, 2x3 см.

С. Есенин

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.
Пожалуйста, голубчик, не лизись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.
Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.
Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такую милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.
Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?
Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

Пудель, агальматолит, 6x6 см.

Собака, нефрит, 6x4 см.

Кот, содалит, 5х2 см.

«Удивление»,
стекло, 2х6 см.

«Тим», селенит, 5х4 см.

«Котенок», стекло, 2х3 см.

Кот, металл, 9х13 см.

Кошечка, огненный опал, 2х3 см.

В. Косторов

Кони русские

Хватит в теплом дремать овине —
Просыпайся, ямщик удалой.
Вновь грызутся на луговине
Красный, белый и вороной.
Губы в пене, грозят глазами,
Черный скалится на врага.
Красный мечется, словно пламя.
Белый бесится, как пурга.
У обрыва, над самой бездной
Гривы на руки намотай,
Укrotи их уздой железной,
Крепкой сбруею обратай.
И гони их под свист и крики
К звездам в маревом далеке,
Встав, огромный, как Петр Великий,
На грохочущем облучке.
Чтобы брат побратался с братом,
Чтоб Россия была крепка,
Чтоб Царь-колокол плыл набатом
Под дугой у коренника.

«Прилегла», авантюрин, 9x5 см.

«Любовь», хризопраз, дерево,
черный оникс, 12x8 см.

Овцебык, флюорит, 10х6 см.

Мул, пирофиллит, 12х8 см.

Свинка, кварц, 3x1.5 см.

«Упрямая», гематит, 4x3 см.

Свиноматка, мрамор, 5x3 см.

Свинья, мрамор, 5x4 см.

Вол-брелок, авантюрин, 2x1.5 см.

«Апельсиновый», янтарь, 3x1.5 см.

Вьючный, оникс, 5x4 см.

Дикие животные

Дуэт, аметист, керамика, яшмоид, 11x11.5

Лев и мальчик, керамика, 5х10 см.

Леопард, серпентинит, 15х26 см

«Хатхи», кальцит, 5x7 см.

Слон, яшма, 4x4 см.

Слон, фарфор, 14x10 см.

Боец, кальцит, 5х13 см.

Лев, бронза, малахит, 12х9 см.

«Запасливая», кальцит, 3х7 см.

Ёж и лисенок, кальцит, селенит, 10х6 см.

С. Есенин
Лисица

А. М. Ремизову

На раздробленной ноге приковывляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.
Ей все бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалась в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.
Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.
Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ощур сочилась тихо кровь.

«Честные глаза», фарфор, 20х13 см.

«Единорос», талькохлорит, раухтопаз, ангидрит, 20x29 см.

«Белый», мрамор, 19x14 см.

«Бычара», кальцит, рубин, мрамор, 15,5х31

Гепард, стекло, 15x15,5 см.

«В берлоге», стекло, 9x8 см.

«Вечный зов», стекло, 10x9 см.

В. Высоцкий

Охота на волков

Рвусь из сил — и из всех сухожилий,
 Но сегодня — опять как вчера:
 Обложили меня, обложили —
 Гонят весело на номера!
 Из-за елей хлопочут двустволки —
 Там охотники прячутся в тень,—
 На снегу кувыркаются волки,
 Превратившись в живую мишень.
 Идет охота на волков, идет охота —
 На серых хищников, матерых и щенков!
 Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
 Кровь на снегу — и пятна красные флажков.
 Не на равных играют с волками
 Егеря — но не дрогнет рука,—
 Оградив нам свободу флажками,
 Бьют уверенно, наверняка.
 Волк не может нарушить традиций,—
 Видно, в детстве — слепые щенки —
 Мы, волчата, сосали волчицу
 И всосали: нельзя за флажки!
 И вот — охота на волков, идет охота —
 На серых хищников, матерых и щенков!
 Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
 Кровь на снегу — и пятна красные флажков.
 Наши ноги и челюсти быстры,—
 Почему же, жолак, — дай ответ —
 Мы затравленно мчимся на выстрел
 И не пробуем — через запрет?!
 Волк не может, не должен иначе
 Вот кончается время мое:
 Тот, которому я предназначен,
 Улыбнулся — и поднял ружье.
 Идет охота на волков, идет охота —

Волк, долерит, изумруд, 9x6 см.

На серых хищников, матерых и щенков!
 Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
 Кровь на снегу — и пятна красные флажков.
 Я из повиновения вышел —
 За флажки, — жажда жизни сильней!
 Только сзади я радостно слышал
 Удивленные крики людей.
 Рвусь из сил — и из всех сухожилий,
 Но сегодня не так, как вчера:
 Обложили меня, обложили —
 Но остались ни с чем егеря!
 Идет охота на волков, идет охота —
 На серых хищников, матерых и щенков!
 Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
 Кровь на снегу — и пятна красные флажков.

«Мама лучше льдины», стекло, 18х10 см.

Медведь, сердолик, 6х4 см.

«После купания»,
чароит, клинохлор, 10х7 см.

Э. Багрицкий
Медведь

Покрытый бурой шубой,
Кряжистый и грубый,
В малинике сыром
Он спит и дышит носом,
Кося глазком белесым,
И тушей раздобревшей
Он давит бурелом.
Когда перед зарею
В сосне захочет дрозд
И окунется в хвою
Густая сетка звезд...
Он встанет, косилапый,
Он втянет воздух с храпом,
Подымеется, вздохнет,
Стряхнет с намокшей шкуры
Малины листик бурый —
И двинется вперед...
Я тоже не зеваю,
Берданку заряжаю,
И в тишине ночной
Неслышными шагами
Сперва пройду овсами,
Потом пройду болотом
И сяду над рекой.
Иди, зевака сонный,
Верни мои патроны,
Иди, иди, иди...
Я слышу храп медвежий,
Хрустение лап широких...
Идет... И сердце режет
Стучит в моей груди.

«Зов предков», стекло, металл

Е. Клячкин
Олененок

Ну что ты, олешек, ну маленький, что ты?
Лиловый зрачок настороженно жив,
и на отражениях крошечных сосен
твое отраженье пугливо дрожит.
Дрожат, упираясь, высокие ножки,
а нежные ноздри вбирают меня.
Не надо бояться, не надо, хороший, —
все это когда-то придется принять.
Придется поверить, безумно рискуя,
и в руки, которые могут дарить,

и в губы, которые только целуют.
А страх и желание — не разделить.
Что делать, малыш, мы похожи немного:
я тоже дикарь, непривычный к рукам,
мне тоже, себя донеся до порога,
последнего шага не сделать никак.
И словно решив: если хочет, пусть губит, —
как будто в полете над темной водой,
он вытянул тело, и влажные губы
покорно легли на сухую ладонь.

Бойцы, кость, 16x5 см.

А. Межиров

Медведь

Лапой крушил молодые дубки,
Бор оглушал, рыча.
И были жилы его крепки,
И кровь была горяча.
Ранней весной из берлоги — вон!
Гнилью разит листва.
На ветках звон, и в ушах звон,
И кружится голова.
Зиму наскучило спать да говеть.
Он по натуре не крот, —
Идет, пошатываясь, медведь,
Шерсть о кору трет.
Шел, пошатываясь, медведь,
Все по-новому замечал
И лишь потому, что не мог петь,
Р-р-рычал.
Лет своих никогда не считал,
Товарищей не имел,
О лучшем не думал и не мечтал,
За то, что есть, постоять умел.
Врагов о милости не молил,
Не ведал земной тоски.
Медвежатников наземь валил,
Ломал рогатины на куски.
Но из-за дерева — из-за угла —
Ничтожная пуля его подсекла.
Даже меха не повредила
Дырочка тоненькая, как шило,
Но кровь, на месте застыв, остыла,
И стали дряблыми жилы.
Ему ножом распорили живот
Без всяких переживаний.
Мочили, солили, сушили — и вот
Он стал подстилкою на диване.
На нем целуются, спят и пьют,
О Пастернаке спорят,
Стихи сочиняют, песни поют,
Клопов керосином морят.
В центре Москвы, от лесов вдали,
Лежит он, засыпанный пудрой дешевой.
Как до жизни такой довели
Его, могучего и большого?
Оскалена жалко широкая пасть,
Стеклянны глаза-гляделки.
Посмотришь — и думаешь: страшно попасть
В такую вот переделку.

Медведь, кальцит, 7х6 см.

«Гурман», нефрит, родонит, 7х5 см.

Ледяной медведь, стекло, 6х4 см.

Н. Гумилев
Носорог

Видишь, мчатся обезьяны
С диким криком на лианы,
Что свисают низко, низко,
Слышишь шорох многих ног?
Это значит — близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъяренный носорог.
Видишь общее смятенье,
Слышишь топот? Нет сомненья,
Если даже буйвол сонный
Отступает глубже в грязь.
Но, в нездешнее влюбленный,
Не ищи себе спасенья,
Убегая и таясь.
Подними высоко руки
С песней счастья и разлуки,
Взоры в розовых туманах
Мысль далеко уведут,
И из стран обетованных
Нам незримые фелуки
За тобою приплывут.

Носорог, малахит, 5x2,5 см.

Носорог, малахит, 6x4 см.

Носорог, малахит, 10x5 см.

«Ночь в пустыне», песчаник, 7x5 см.

А. Тарковский

Верблюд

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках,
Как вата в столетнем халате.
Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.
Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.
И в ноздри вложили замок,
А в душу — печаль и величье,
И, верно, с тех пор погромом
На шее болтается птичьей.
По Черным и Красным пескам.
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.
Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

Корабль пустыни,
оникс, 7x6 см.

Н. Гумилев

Жираф

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.
Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.
Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.
И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Жираф, пирофиллит, 17x5 см.

«Белый бивень»,
кальцит, ангидрит, 6x5 см.

Мамонт, селенит, ангидрит, 11x8 см.

Ю. Мориц

След мамонта

Тамазу Чиладзе

Он шел к воде. Он к морю шел напиться,
Где влага, как сулгуни, солоня.
В нем ликовали рыба, зверь и птица.
Он был добрей, но и мудрей слона.
Бродяга, отщепенец и безумец,
В его боках качалось десять стрел.
Он к морю шел. На огненный трезубец
Зари

он взглядом раненым смотрел.

Ни сном ни духом ни зверье, ни птицы—
Никто не ведал и не знал о том,
Что где-то в клетке той, большой таблицы
Он был зачеркнут маленьким крестом.
Как чернь по сакартвельской филиграни,
Парная кровь текла с его боков.
Он ничего не знал о вымиранье,
Но в землю след печатал глубоко.
От раны шел тяжелый дух победы.
Шел от огня тяжелый дух стряпни.
И мамонт шел и оставлял пробелы
Своей тяжелой, старческой ступни.
Он разве взвесил, что не след пантеры
Моей земле захочется сберечь,
Чтоб стал он тенью ледниковой эры,
Как тенью чувства стала наша речь?
Он разве знал, великий одиночка,
Что эта жизнь по-своему права,
Что после смерти вырывает строчка
Отпущенные гению права?

Тигр, малахит, 10x5 см.

И. Бунин
Пантера

Черна, как копь, где солнце, где алмаз.
Брезгливый взгляд полузакрытых глаз
Томиится, пьян, мерцает то угрозой,
То роковой и неотступной грезой.
Томят, пьянят короткие круги,
Размеренно-неслышные шаги, —
Вот в царственном презрении ложится
И вновь в себя, в свой жаркий сон глядится.
Сощурившись, глаза отводит прочь,
Как бы слепит их этот сон и ночь,
Где черных копей знойное горнило,
Где жгучих солнц алмазная могила.

«В лунном свете»,
лава с напылением, 5x3 см.

Пантера, обсидиан, фианит, 11x5 см.

«Багира», малахит, 6х17 см.

Пантеры, хризопраз, песчаник, черный оникс, дерево, родонит, 9х14,5 см.

«Кинг», малахит, 8х6 см.

«Царь зверей», сердолик, 6х4 см.

Б. Ахмадулина
Два гепарда

Этот ад, этот сад, этот зоо —
там, где лебеди и зоосад, на прицеле всеобщего взора
два гепарда, обнявшись, лежат.
Шерстью в шерсть, плотью в плоть проникая,
сердцем втиснувшись в сердце — века
два гепарда лежат. О, какая,
два гепарда, какая тоска!
Смотрит глаз в золотой, безвоздушный,
равный глаз безысходной любви.
На потеху толпе простодушной
обнялись и лежат, как легли.
Прихожу ли я к ним, уйду ли —
не слабее с той давней поры
их объятье густое, как джунгли,
и сплошное, как камень горы.
Обнялись — остальное неправда,
ни утрат, ни оград, ни преград.
Только так, только так, два гепарда,
я-то знаю, гепард и гепард.

«Юный лев», агат, 4х3 см.

Тигр, малахит, 7х3 см.

С. Марков

Семиреченский тигр

Он, как заря каракольская, рыж.
В нем каждая жила туга.
Во сне он грызет золоченый камыш
И нюхает след врага.
Долиной Эмель, озером Туз
Идет он, как прежде ходил.
Сквозь лес — окунуть обкусанный ус
В холодный балхашский ил.
Но вот он проснулся, рыча и дрожа,
Он прутья трясет, как кусты,
Смеются веселье сторожа,
Открыв зубатые рты.
Светлы их глаза. А лица темны,
И крепки их кулаки.
Пожаловал им хозяин тюрьмы
Цветные воротники.
Они отвечают за жизнь и побег,
За шкуру царя озер;
Им платит деньги сам Гагенбек —
Владыка морей и гор.
Он рад, что добыча его не проста.
И гладит ладонью ладонь.
Два метра от уха и до хвоста.
Бока — полосатый огонь!
И пленник сгибает железный тростник.
Ревет и скалит клыки,
Но старший сторож прям и велик.
Он знает свои замки.
Лишь тигры и львы ему по плечу.
И спит утомленный зверь,
И видит закат над ущельями Чу...
И наглухо заперта дверь.

«Английский лорд»,
агальматолит, 5х5 см.

Тигр, яшма, 5х4 см.

А. Преловский
Лось

Нынче лоси мужают рано:
каждый лось с малолетства знаком
с самострелами и с берданой,
и сготовым на все стрелком.
Сколькосвито тетив и ниток
из тяжелыхлосиных жил!
Но не вымер и не поник он,
даже мамонта пережил.
Стал с веками грузным и грустным,
от загонов впали бока.
Он пронесит проклятым грузом
ледниковой заточки рога.
Раз в году лишь, порой осенней,
самке голову закружив,
пляшет лось в угрюмом веселье
оттого, что молод и жив.
Но когда сшибаются в схватке
молодой со старым быком,
бой не только у них из-за матки:
мало смысла в любви силком.
Нет, когда они бьются, лоси, —
это бой за свою семью,
за спокойные лето и осень,
за былую свободу свою.
Все на свете лось понимает,
одного не может понять:
друг на друга рога поднимает...
На того бы надо поднять,
кто жестоко их бьет, доволен
жрать печенку и сумугун.
Но здесь нужен железный воин.
Воин нужен. А не плясун.

Лось,
нефрит, зиеевик, 6х6 см.

«Серебряное копытце,
агат, аметист, медовый
кальцит, кварц, пирит,
мельхиор, 11х10 см.

«Трудяга»,
аргиллит, 10х6 см.

Н. Матвеева

Бобры

В зоопарке в тесноватой клетке
Беззаботно жили два бобра,
Разгрызая ивовые ветки,
Мягкие, с отливом серебра.
Но горчил печалью полускрытой
Терпкий привкус листьев и коры.
«Ну а где же то, за что мы сыты?
Где работа?» — думали бобры.
Как рабочих к лени приневолишь?!
Им бы строить, строить да крепить,
А у них для этого
всего лишь...
Пополам расколотый кирпич!
Подошли бобры к нему вплотную,
Половину подняли с трудом,
С важностью взвалили на другую...
Из чего же дальше строить дом?
Что же дальше делать им? Не знают.
Приутихли. Сумрачно глядят.
Сгорбились. О чем-то вспоминают.
И зелёных веток — не едят.

Бобр, янтарь, 6х7 см.

«Охранник», яшма, 6х6 см.

В. Шаламов

Белка

Ты, белка, все еще не птица,
Но твой косматый черный хвост
Вошел в небесные границы
И долетал почти до звезд.
Когда в рассыпчатой метели
Твой путь домой еще далек
И ты торопишься к постели
Колючим ветрам поперек,
Любая птица удивится
Твоим пределам высоты,—
Зимой и птицам-то не снится
Та высота, где лазишь ты.
И, с ветки прыгая на ветку,
Раскачиваясь на весу,
Ты — акробат без всякой сетки
Предохраняющей в лесу,
Где, рассчитав свои движенья,
Сквозь всю сиреневую тьму
Летишь почти без напряженья
К лесному дому своему.
Ты по таинственным приметам
Найдешь знакомое дупло,
Дупло, где есть немножко света,
А также пища и тепло.
Ты доберешься до кладовки,
До драгоценного дупла,
Где поздней осенью так ловко
Запасы пищи собрала.
Где не заглядывает в щели
Прохожий холод ветровой,
И все бродячие метели
Проходят мимо кладовой.
Там в яму свалена брусника,
Полны орехами углы
По нраву той природы дикой,
Где зимы пусты и голы.
И, до утра луща орехи,
Лесная наша егоза,
Ты щуришь узкие от смеха,
Едва заметные глаза.

«Пушистый хвостик», селенит, 5x5 см.

Белка, яшма,
опал, 5x3 см.

Белка, сердолик, 4x3 см.

Белка, селенит, 3x6 см.

«Носатый», малахит, 5x4 см.

«Карнавальный», металл, керамика, 2x1.5 см.

Слон, янтарь, 2x2 см.

«Золотой», янтарь, 2x1.5 см.

Слон, серпентинит, 4x4 см.

«Ха-ха», родохрозит, 2х1,5 см.

Слоненок, розовый кварц, 4х5 см.

«Гиппопо», селенит, 7х4 см.

«Веселый», родонит, 3х2 см.

Слон, оникс, 8х6 см.

Раджа,
янтарь, жемчуг, металл, 6x4 см.

Слон, янтарь, кахалонг, 6x4 см.

Слон, серпентинит, 4x4 см.

«Солнечный душ»,
родохрозит, 2x2 см.

Хозяин тайги, лабрадорит, 11х18 см.

Медведь, кальцит, 10х16 см.

Мышь, яшма, 4х2 см.

Ёж, кальцит, 8х5 см.

Ёж, кальцит, 5х2.5 см.

Ёж,
розовый кварц,
1.5х1.5 см.

«Добытчик»,
керамика, 14х10 см.

Лариска, селенит, 12х4 см.

«Мышка пеструшка», яшма, 4х2 см.

Мышка, селенит, 4х4 см.

Мышь, розовый кварц, 4х2 см.

«Банкир», металл, дерево, 10х6 см.

Медведь, родохрозит, 1,5х1 см.

Медведь, гематит, 3х2 см.

«Рыбак», гематит, 2х1,5 см.

«Балу», аргиллит, 8х9 см.

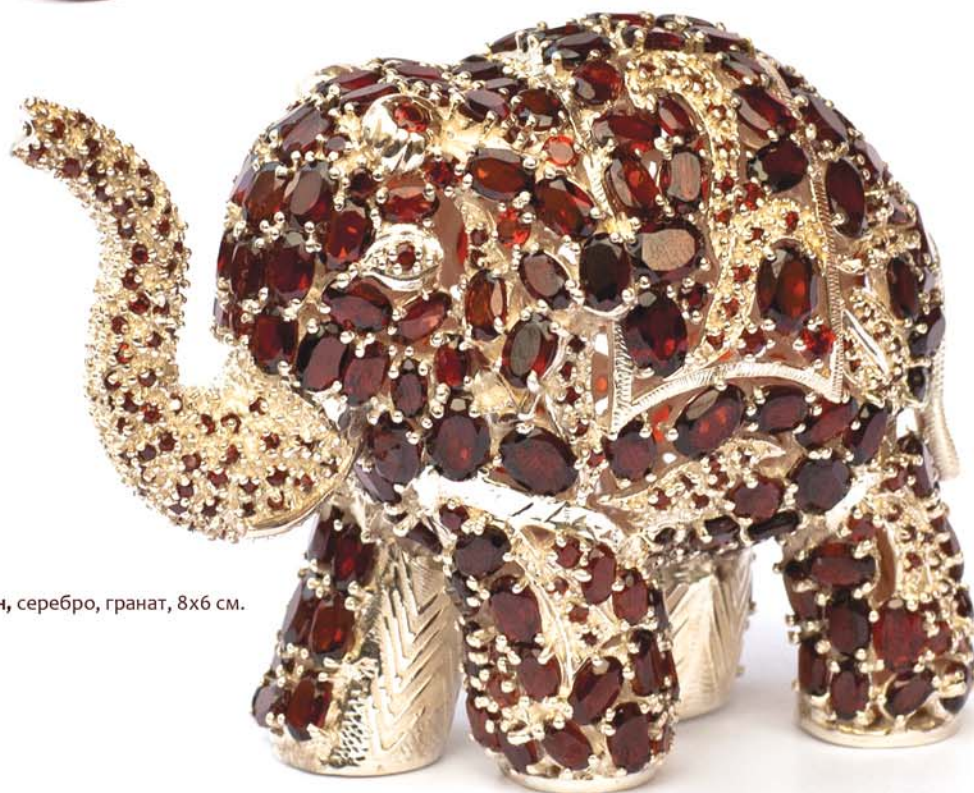
«В зоопарке», селенит, 21,5х10

Слон, малахит, 7х4 см.

Животное,
пирофиллит, 3х3 см.

Слон, серебро, гранат, 8х6 см.

Слон,
керамика, 4х6 см.

Слон,
серпентинит, 5,5х4,5 см.

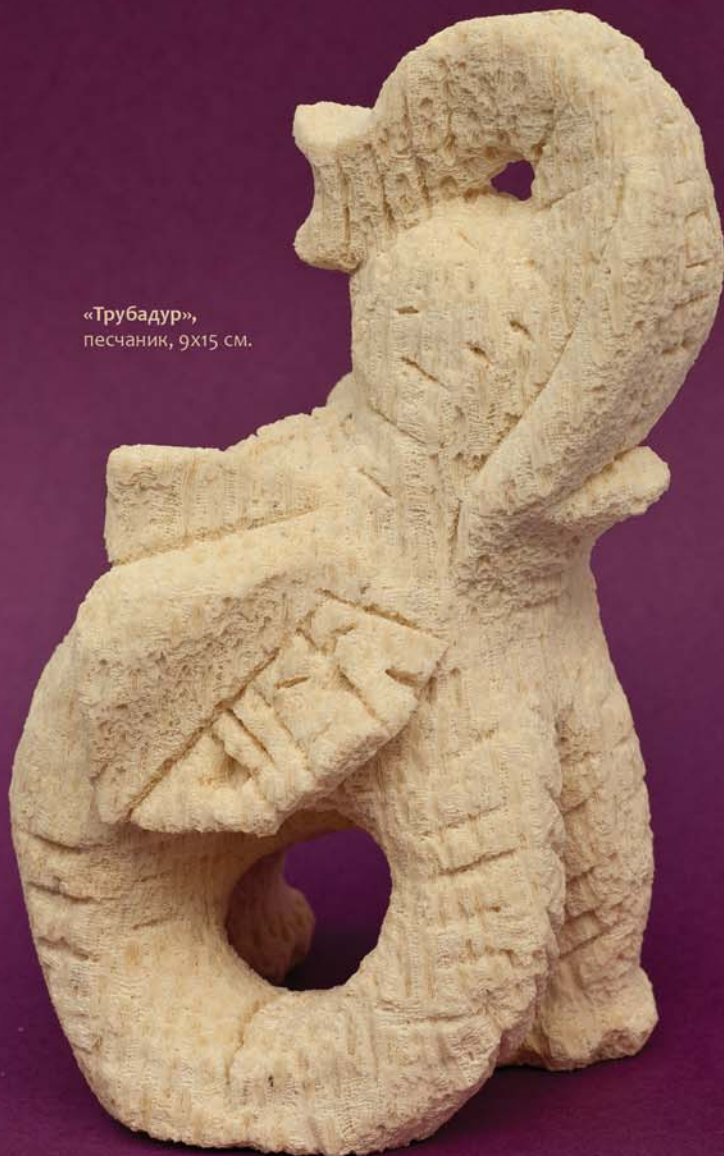

В. Высоцкий

Песня про белого слона

Жили-были в Индии с самой старины
Дикие огромные серые слоны —
Слоны слонялись в джунглях без маршрута, —
Один из них был белый почему-то.
Добрый глазом, тихим нравом отличался он,
И умом, и мастью благородной, —
Средь своих собратьев серых — белый слон
Был, конечно, белою вороной.
И владыка Индии — были времена —
Мне из уважения подарил слона.
«Зачем мне слон?» — спросил я иноверца.
А он сказал: «В слоне — большое сердце...»
Слон мне сделал реверанс, а я ему — поклон,
Речь моя была незлой и тихой, —
Потому что этот самый — белый слон
Был к тому же белою слонихой.
Я прекрасно выглядел, сидя на слоне,
Ездил я по Индии — сказочной стране. —
Ах, где мы только вместе не скитались!
И в тесноте отлично уживались.
И бывало, шли мы петь под чей-нибудь балкон, —
Дамы так и прыгали из спален...
Надо вам сказать, что этот белый слон
Был необычайно музыкален.
Карту мира видели вы наверняка —
Знаете, что в Индии тоже есть река,
Мой слон и я питались соком манго,
И как-то потерялись в дебрях Ганга.
Я метался по реке, забыв еду и сон,
Безвозвратно подорвал здоровье...
А потом сказали мне: «Твой белый слон
Встретил стадо белое слоновье...»
Долго был в обиде я, только — вот те на! —
Мне владыка Индии вновь прислал слона:
В виде украшения для трости —
Белый слон, но из слоновой кости.
Говорят, что семь слонов иметь — хороший тон.
На шкафу, как средство от напастей...
Пусть гуляет лучше в белом стаде белый слон —
Пусть он лучше не приносит счастья!

«Трубадур»,
песчаник, 9х15 см.

Бегемот, агат, 7х4 см.

Бегемотик, агальматолит, 3х2 см.

Слон, яшма, 3х2 см.

«Я тебя люблю», кальцит, 6х4 см.

«Блаженство. На дне болота»,
яшма, 4х2 см.

Овцебык, яшма, 6х4 см.

Мамонт, оникс, 10х8 см.

Носорог,
малахит, 6х4 см.

Слон, керамика, 8х7 см.

Панда, мрамор, 6х4 см.

Семейка, дерево, металл, 5х5 см.

Лев, малахит, 6х4 см.

Бегемот, сердолик, 6х3 см.

Мамонт, агат, 6х5 см.

Бегемотик, селенит, 4х6 см.

Кабан, серпентинит, 10x20 см.

«Ярость», змеевик, бронза, 8х7 см.

Бегемотик, розовый кварц, 2,5х1,5 см.

Слоненок, стекло, 3х3 см.

Мамонт, оникс, 15х13 см.

«Бородавочник», яшма, 6х6 см.

Енот, керамика, 4х3 см.

Кабан,
кальцит, металл, яшма, мрамор, 15х10 см.

Олень, аметист, 7х7 см.

«Заюшка», селенит, 4х6 см.

Животное, яшма, 4х2 см.

Рогатый, малахит, 6х6 см.

Сайгак, селенит, 3х8 см.

Броненосец, металл, 5х1.5 см.

Заяц, агат, 2х2 см.

Медведь, нефрит, змеевик, 5х4 см.

«Зайка», яшма, 4х3 см.

Заяц, яшма, 4х3 см.

Хорек,
керамика, 4х5 см.

Медведь, мрамор, нефрит, 6x8 см.

Медвежья семья, стекло, 11x11 см.

Козел, песчаник, 6х4 см.

«Щас спою», сердолик, 2.5х4 см.

«Ошибся», аметист, 8х11 см.

Животное, кальцит, 4х10 см.

Броненосец, лазурит, 6х3 см.

«Не пойми кто», пирофиллит, 7х5 см.

Сохатый, янтарь, 3х5 см.

Медведь, селенит, кальцит, 8х8 см.

Сайгак, селенит, кальцит, 4х8 см.

Медведь, бирюза, перламутр, обсидиан, 13x7 см

Жуки и бабочки

Андрей Усачев

Гуляла за городом Божья коровка,
По веткам травинок карабкалась ловко,
Глядела, как в небе плывут облака...
И вдруг опустилась Большая Рука.
И мирно гулявшую Божью коровку
Засунула в спичечную коробку.
Коровка ужасно сердилась сначала,
Мычала и в стены коробки стучала...
Но тщетно! Забыли о ней в коробке,
Закрыли Коровку в шкафу, в пиджаке,
Ах, как тосковала в коробке бедняжка!
Ей снились лужайка, и клевер, и кашка...
Неужто в неволе остаться навек?!
Коровка решила готовить побег.

Три дня и три ночи рвалась она к цели.
И вот, наконец, вылезает из щели...
Но где же деревья, цветы, облака?
Коровка попала в карман пиджака.
Однако она, не теряя надежды,
Бежит на свободу из душной одежды:

Там солнце, и ветер, и запахи трав...
Но вместо свободы увидела шкаф!
Тоскливо и страшно Божьей коровке.
Опять она в темной пустынной коробке.
Вдруг видит: вверху, где вставляется ключ,
Сквозь щелочку в шкаф пробивается луч!
Скорее на волю! Коровка отважно,
Зажмурясь, штурмует замочную скважину...
И вновь оказалась в глухом коробке
С огромною люстрой на потолке.
Однако Коровка на редкость упряма:
Нашла, где неплотно захлопнута рама...
И вот вылезает она из окна –
Ура! Наконец на свободе она!

И вновь на знакомой лужайке букашка.
Под нею, как прежде, колышется кашка,
Над нею плывут в вышине облака...
Но смотрит на мир осторожно Коровка:
А вдруг это тоже Большая коробка,
Где солнце и небо внутри коробка?!

Божьи коровки, яшма, нефрит, родонит, обсидиан, металл, 15x4 см.

Жук навозник,
скарн, яшма, медь, 18x8 см.

Бабочка,
полихромный турмалин, 4x4 см.

Бабочка,
малахит, стекло, мельхиор, 4x4 см.

«Рогоносец»,
мергель, халькопирит, борнит, бронза 9x6 см.

Бабочка, стекло, 3х3 см.

Бабочка, стекло, металл, 6х10 см.

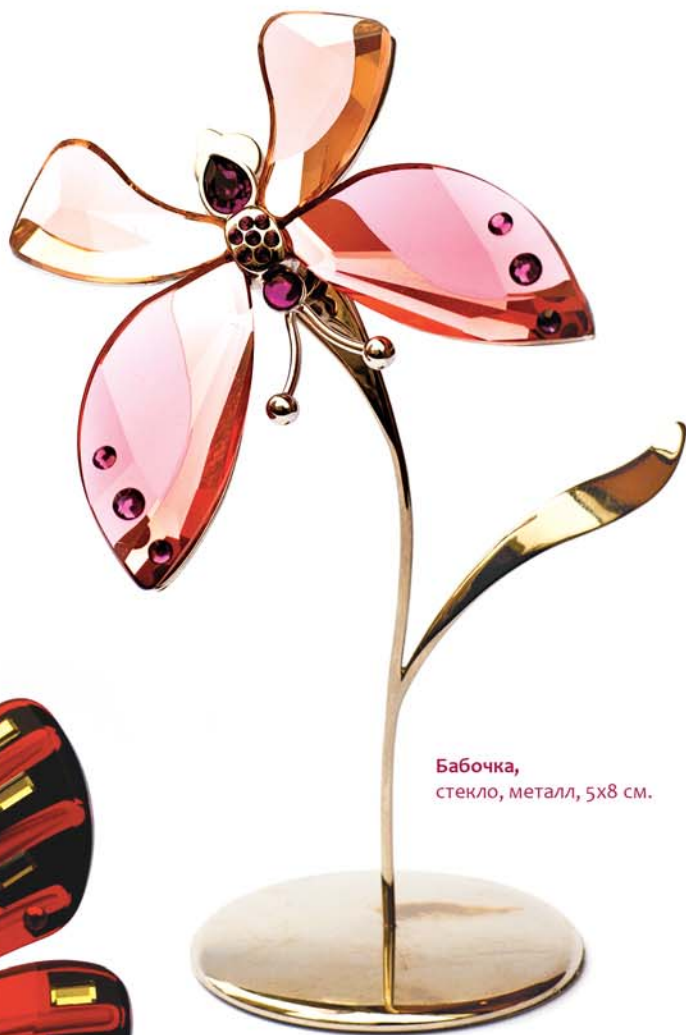
Бабочка, стекло, металл, 9х10 см.

Роза, стекло, металл, 2х5 см.

Бабочка, стекло, 3х3 см.

Бабочка,
стекло, металл, 5х8 см.

Бабочка, стекло, металл, 7х9 см.

А. Тарковский
Мотылек

Ходит мотылек
По ступеням света,
Будто кто зажег
Мельтешенье это.
Книжечку чудес
На лугу открыли,
Порошком небес
Подсинили крылья.
В чистом пузырьке
Кровь другого мира
Светится в брюшке
Мотылька-лепира.
Я бы мысль вложил
В эту плоть, но трогать
Мы не смеем жил
Фараона с ноготь.

Бабочка, обсидиан, яшма с жеодой горного хрусталя, родохрозит, чароит, 13x7 см.

Паук, горный хрусталь, 7x5 см.

Номо sapiens и другие

Индейцы, песчаник, 8х5 см.

Рудокопы,
агат, яшма, горный хрусталь, цветной кварц, металл, 11х6 см.

В забое, агат с аметистовой жеодой, металл, 7х6см.

Бурхан, нефрит, 2х6 см.

Юноша, кальцит, 2х6см.

«Вигвам», аржилит, 6х5 см.

«Тяжела ноша», кость, 2x4 см.

«Матриархат», песчаник, 8x10 см.

Йог, мрамор, 9x7 см.

Хищник, змеевик, металл, 6х7 см.

Дракоша, кварцит, 5х3 см.

Золотой дракон,
яшма, нефрит, металл, шпинель, 8х10 см.

Дракон, нефрит, 20x14 см.

Упряжка, нефрит, мрамор, 18х6 см.

Друзья, аргиллит, 7х8 см.

Воин, лава, 4х10 см.

Цветок, агальматолит, 15х6 см

Весельчак, глина, 5х9 см.

Ангелочек, янтарь, 5х5 см.

Зародыш, песчаник, 3х5 см.

Домовенок, гипс, 5х4 см.

Толстяк, глина, 5х5 см.

Монах, агат, 7x10 см.

Индец, опал, 4x9 см.

Фараон, кальцит, металл, 6x8 см.

Статуэтка, песчаник, 6x5 см.

Дикий, керамика, 9x12 см.

Дракоша,
песчаник, 4x6 см.

Дракончик, кварцит, 2x5 см.

«Нуча мала», агальматолит, доломит, 12x8 см.

Роза, янтарь

Динозавр, керамика, 11x5 см.

Дракон, яшма, 7x5 см.

«На троне», малахит, 2x3,5 см.

Змей-Горыныч, яшма, гранат, 14x9 см.

Дерево и глухарь, мрамор, серпентинит, яшма, лиственит, гагат, 10x14 см.

«Мексиканский мотив», мрамор, обсидиан, авантюрин, перламутр, 11х13 см.

Караван, бронза, стекло, 14x12 см.

Колесница, металл, 11x8 см.

Виноград, стекло

Тюльпан, стекло,
металл, 2x5 см.

«Домовята», цветной кварц, 7x5 см.

Виноград, стекло, 12x6 см.

Гроздь, зеленый кварц, 15x8 см.

Пусть костры горят на наших тропах

«Ноев ковчег» — одна из оригинальнейших коллекций в музее геологии имени А. А. Чернова в городе Сыктывкаре! Сотни изящных фигур, скульптур, скульптурок, поделок животных, птиц, насекомых, рыб et cetera, изваянных, вырезанных, вылитых, выдохнутых из мыслимых и немыслимых поделочных и не очень камней, стекла, металла, керамики, порой едва затронутых резцом, порой представляющих во всем композиционном блеске, с первой минуты захватывает воображение зрителя, заставляя забыть про все на свете. Вот малахитовый леопард мягкой кошачьей походкой крадется к невидимой жертве; вот «вдоль обрыва над пропастью» летят нефритовые кони; мчит по бескрайним снегам Аляски джеклендонская собачья упряжка; решительный орел через мгновение сорвется со скалы, а лазуритовый черноклювый попугай произнесет веселое «дурак» в адрес заглядевшегося посетителя. Сколько огня в сердоликовой белочке и антарктического света в юном стеклянном пингвине, как фееричны слетевшиеся со всех тропиков на бумажный лист бабочки и изящны понимающие ход времен мудрые черепахи! Мраморный белый медведь прет по торосам в поисках добычи; кальцитовый «бычара» (так именуется этот атлет в каталоге!) готов в руины превратить любую преграду... Сюда надо время от времени приходить, приводя детей и внуков, и вбирать в себя радугу каменных красок, постигать яростные души зверья и птиц, забывать тщету бытия и серую поденку бесконечных дел.

Созидатель, собиратель, автор появившейся несколько лет назад в музее постоянной экспозиции Александр Павлович Боровинских — человек в Республике Коми знаковый, корневой, исходивший за сорок лет эту землю вдоль и поперек, сделавший ее теплей и добрее, вросший в нее без оглядки и широко распахнувший свою щедрую душу для друзей, коллег, для всех встречных, пересекшихся с ним на долгой жизненной тропе. Воркута, Инта, Сыктывкар... Геолог ГПП «Полярноуралгеология», инструктор отдела угольной промышленности Коми обкома партии, начальник Интинской геолого-разведочной экспедиции, мэр города Инты в самые забастовочные года, в течение двадцати лет министр природных ресурсов республики, стоявший у истоков создания сей базовой для региона службы. Впрочем, сухой анкетный перечень мало о чем говорит — видывала земля Коми биографии и покруче, скажет непредвзятый скептик и будет по-своему прав. Суть здесь в другом. Александр Павлович обладает уникальнейшим даром, почти растерянным страной на ветрах революций, пятилеток, перестроек, а особенно рынков и ставшим редким в наше суетное время, — драгоценным умением любить людей, слышать и понимать, вникать в их проблемы, сочувствовать и соучаствовать, помогать и решать. По совести, по родительскому наследству (яблоко-то от яблони недалеко падает), по какому-то глубинному чутью, по древним обычаям и законам человечества, когда в чести были прямая речь, поступок, действие. Его не испортили ни высота, ни время, ни долгое бремя лидерства, принципы его просты и кристальны, умение не сфальшивить — природное.

Он негромок в делах, но принятое решение, произнесенное слово всегда точны, пропитаны какой-то крестьянской мудростью, хитрецой, усмешкой, понятной лишь ему. Его дом всегда открыт настезь, за столом всегда найдется почетное место старому другу — вертолетчику, забичевавшему коллеге по профессии, пенсионеру-первооткрывателю, забытому всеми, кроме Саши, школьной учительнице, выведшей когда-то сельского южноуральского мальчика на геологическую тропу, заезжему музыканту, жене ушедшего друга, знаменитому академику и высокому чиновнику. И оказавшиеся за одним столом люди будут понимать друг друга, на равных обсуждать жизнь, ибо непонимающие у Александра Павловича, как правило, за столом не сидят. А ведь сживали и пивали за ним и Вадим Иванович Туманов, и Игорь Борисович Гранович, и Юрий Алексеевич Спиридонов,

и Анатолий Иванович Таскаев... Николай Павлович Юшкин, Борис Александрович Алмазов — вряд ли кто справится с перечислением имен, заглядывавших к своему другу на огонек.

В любом деле, будь то работа, конференция, командировка, рыбалка, путешествие, он — душа компании, заводила, лидер: веселая шутка, точная реплика, острый анекдот — и всегда сопонимание, соучастие, крестьянское умение войти в суть вопроса, проблемы, задачи. Страстный рыбак («увидит на дороге лягушку — поймает» — говаривал о таких мой отец), он из-под полы может достать мороженого хариуса, захваченного накануне из холодильника, и ошеломить сидящих безуспешно на лунках соратников в своих успехах... Первого апреля поднимет в семь утра и попросит: «Ты знаешь, вчера наш друг С. попал в медвытрезвитель, просил забрать, а я сейчас без машины, сделай это!» И трое-четверо не успевших проснуться друзей кидаются на помощь... Сколько лет в лесу у дачного поселка он палит на День геолога костер, и на «огонек» не преминут заглянуть не только геологи — всем найдется песня, рюмка, слово... Выплеснутый бокал шампанского в лицо высокопоставленному распоясавшемуся чинуше или несколькими словами низвергнутый на место олигарх — это тоже Боровинских. А уж если надо кому-то протянуть руку помощи — здесь с Александром Павловичем тягаться бесполезно. И к месту здесь будет несколько ироничное посвящение Алексея Иевлева:

*Пусть истина эта не нова — мужчин украшают года!
И смотрится, словно обнова, седая твоя борода!
Она — флибустьерской породы! И чудится: словно таран,
Сквозь грозные волны и годы ведет свой корабль капитан!
Мы — юнги и просто матросы. Мы знаем про бури и штиль.
Вопросы встают, как торосы, — то в борт они метят, то в киль.
То вылезет чья-нибудь банда на понт или на абордаж.
То скажут: «Ведь это шаланда! Куплю. По дешевке продашь?»
Но судно надежно не только оснасткой и медью бортов,
Командой в наганах и кольтах и крепким шитьем парусов.
Как флаги, избегаем на реи, как чайки, парим в небесах,
Как черти, палим в батарее, как дурни, стоим на часах.
Но нету причин для вопросов «Война у нас или беда?»
Когда среди бурь и торосов седая торчит борода!
Она — как мираж бедуину! Как национальный проект!
Как ветер, которому спину подставит любой человек!
Но этого счастья нам мало. Как было бы славно, когда
И птицу в гербе украшала седая его борода.*

В магнитное поле Боровинских нельзя не попасть, а, оказавшись в нем, ты поневоле подчиняешься правилам, заповедям, принципам, исповедуемым твоим собратом по судьбе, другом, связкой, как говорят альпинисты, постепенно сам их перенимаешь — тут уж деваться некуда. Этот свод норм поведения перенят от матери, накоплен за годы странствий, обретен на неудобных кручах чиновничьих высот. Да перечитайте хотя бы «Территорию» Олега Куваева, его любимую книгу, — там половина истинных эпизодов пересекается с яркой судьбой Александра Павловича!

У нас с Александром Павловичем четверть века совместной тропы, и пуд соли, полагающийся для понимания, мы давным-давно съели, как, думаю, и многие его друзья, спутники, товарищи по профессии, по жизни, по Северам. В этих временах перемешаны самые разные дела и мгновения — мелкие и великие, светлые и горькие, смешные и нелепые — просто НАШИ: мы умели дерзать, на износ вести поиск, выполнять план, делать месторождения и не раз вслед за куваевским Кефиром произносили в самую отчаянную минуту: «Могем, ребята!». Нам в беспросветные девяностые удалось сохранить геологическую профессию на забытой окраине страны, переселить своих ветеранов и стариков в среднюю полосу, просто удержаться, выдюжить, прорваться, не растерять замыслы и не растеряться самим. Мы теряли и хоронили друзей и сегодня, собираясь у их могил, молчанием да пущенной по кругу кружкой отчитываемся перед ними за дела и поступки наши. Конечно, мы порой крепко ошибались, путались, отмалчивались, когда бы надо материться, и матерились, когда бы стоило помолчать, теряли отпущенное богом время на пустые дела, споры, иллюзии — было много чего, чтобы хотелось бы исправить, забыть, переиначить, но лишь ничего не делающий к роковой черте подходит без грехов. Помыслы наши остаются чистыми, азарт не выветрился из душ, геология научила нас независимо от времен и погод на дворе собирать, а не разбрасывать камни. Наши костры по-прежнему жарко горят на наших тропах, таежные речки и горные вершины ждут встреч с нами, рюкзаки и палатки не потеряны по антресолям и дачам, и на вольных просторах северной провинции в уютной городской гостинице ли, на глухой ли заимке, на безымянном ли озерке нет-нет да и зазвучит хриловато Сашина песня: «Закури, дорогой, закури, может завтра с восходом зари мы уйдем по тайге опять молибдена руду искать».

Когда-то я написал ему (про него!) такие слова — они дополнят этот очерк:

*Пусть костры горят на наших тропах,
Пусть во фляжках плещется вино,
Пусть ненастья не устанут штопать
Наших душ цветное полотно.
Пусть нас не удержит сумрак комнат,
Пусть звезда полярная горит,
Пусть нас встречный добрым словом вспомнит,
Пусть удача нам благоволит.
Пусть друзей надежны будут плечи,
Пусть подруги нас не подведут,
Пусть немногословны будут речи,
Пусть дождутся те, кто дома ждут.
Пусть усталость гнет к земле в распадке,
Пусть пурга шальная валит с ног —
Все путем, ребята, все в порядке...
Дай нам, Бог, на нашу жизнь дорог!*

Он никогда не произнесет ханжеское «жизнь удалась», ибо знает, что впереди горы дел, громадьё планов и на завтрашних ветрах и распутьях надо снова и снова сажать деревья, копать колодцы, выводить в люди внуков и правнуков (а с ними у него тоже все, ой как, в полном порядке!), беречь друзей. Ибо в каждом возрасте, как говаривал наш общий друг и учитель И. Б. Гранович, есть своя красота и за каждый новый день надо еще

поборотся, чтобы он оказался не хуже дней прожитых. Александру Павловичу эта задача по росту.

И в радость такому парню потратить жизнь на коллекцию, подсадить на это дело своих друзей (сегодня только сам коллекционер отличит собственные приобретения от подарков), заполнить каменной живностью со всего света квартиру, а потом — от щедрости природы! — сделать королевское по ценности подношение музею и отправить «ковчег» в вольное плаванье со всеми его обитателями. И, воистину, можем ребята! Дерзать. Собирать камни. Дарить душу...

Этот монолог — логическая попытка завершить издаваемый каталог «Ноев ковчег» словом об авторе — геологе, путешественнике, романтике, ценителе прекрасного, меценате, подвижнике, о заслуженном геологе России, заслуженном работнике Республики Коми. И прежде всего — о великолепном человеке Александре Павловиче Боровинских или, как все чаще и чаще срывается с языка, Пальче, современниками которого нам посчастливилось на этой земле случиться! Не сомневаюсь и в счастливой судьбе коллекции, которая будет прирастать новыми экспонатами, привозимыми ее автором со всех ойкумен нашей большой планеты.

Герасимов Николай Николаевич, заслуженный геолог РФ

Указатель минералов и пород

Авантюрин	70, 72, 137
Агат	15, 19, 42, 44, 60, 66, 92, 94, 96, 106, 109, 114, 125, 126, 132
Агальматолит	53, 68, 93, 106, 131, 133
Ангидрит	28, 56, 78, 89
Аргиллит	13, 28, 29, 43, 53, 95, 103, 126, 130
Аметист	14, 21, 33, 48, 63, 65, 73, 94, 113, 116, 126
Бирюза	13, 46, 60, 65
Борнит	121
Бриллиант	21
Гематит	11, 28, 61, 72, 103
Гагат	136
Гипс	26, 51, 131
Горный хрусталь	7, 9, 14, 27, 34, 35, 39, 41, 96, 124, 125
Гранат	7, 12, 96, 104, 135
Диабаз	53
Долерит	7, 82
Доломит	133
Дымчатый кварц (раухтопаз)	23, 78
Жадеит	58, 59
Жемчуг	99
Зеленый кварц	33, 42, 47, 68
Змеевик	6, 23, 55, 94, 111, 114, 128
Известняк	29
Изумруд	82
Кальцит	18, 19, 25, 28, 34, 39, 41, 44, 45, 46, 48, 56, 66, 75, 76, 77, 80, 85, 89, 94, 100, 101, 106, 112, 116, 117, 126, 132, 141
Кахолонг	28, 46, 99
Кварц	30, 32, 38, 39, 42, 51, 72, 94, 125, 139
Кварцит	6, 14, 128, 133
Керамика (глина)	8, 12, 22, 34, 131
Клинохлор	83
Кость	5, 12, 31, 32, 43, 50
Лабрадорит	100
Лава	19, 40, 90, 130
Лазурит	11, 24, 46, 51, 59, 65, 117, 141, 148
Лиственит	136
Малахит	7, 11, 12, 32, 37, 38, 39, 41, 58, 65, 66, 76, 86, 90, 91, 92, 93, 97, 104, 108, 109, 113, 121, 135, 141
Мергель	121
Мрамор	6, 24, 25, 29, 32, 35, 42, 48, 60, 72, 79, 80, 109, 112, 115, 127, 130, 136, 141, 147

Нефрит	6, 21, 27, 41, 47, 50, 66, 68, 85, 94, 114, 115, 124, 126, 128, 129, 130, 141
Обсидиан	23, 33, 46, 57, 90, 124, 137
Оникс	6, 7, 8, 14, 25, 28, 30, 40, 41, 46, 47, 54, 60, 70, 72, 87, 91, 98, 107, 109, 111
Опал	19, 44, 69, 96, 132
Перламутр	10, 15, 25, 137
Песчаник	44, 59, 87, 91, 105, 116, 125, 127, 132, 133
Пирит	59, 94
Пирофиллит	52, 71, 88, 104, 117
Раковинт	15, 16, 17
Родонит	4, 28, 47, 57, 85, 91, 98, 124
Розовый кварц	22, 23, 23, 33, 34, 37, 39, 98, 101, 102, 111
Родохрозит	38, 98, 99, 103, 124, 147
Рубеллит	13
Рубин	80
Селенит	7, 14, 23, 25, 34, 42, 48, 67, 69, 77, 89, 96, 102, 103, 113, 117, 147
Сердолик	15, 26, 33, 52, 60, 64, 83, 92, 96, 109, 116, 141
Серпентин	64
Серпентинит	8, 11, 12, 39, 62, 74, 97, 99, 105, 110, 136
Скарн	121
Содалит	10, 35, 65, 69
Стекло	15, 27, 30, 32, 36, 38, 50, 51
Талькохлорит	78
Топаз	21
Турмалин	121
Туф	61
Фарфор (глина)	27
Фианит	21, 90
Флюорит	12, 22, 37, 40, 68, 71
Халькопирит	121
Хризолит	21
Хризопраз	51, 70, 91
Чароит	12, 83, 124
Шлак	32
Шпинель	128
Эклогит	7, 59
Янтарь	8, 13, 48, 52, 54, 55, 59, 60, 66, 72, 95, 97, 99, 117, 131, 134
Яшма	8, 10, 11, 13, 14, 18, 19, 22, 23, 27, 32, 34, 37, 39, 41, 43, 50, 51, 54, 59, 64, 65, 66, 75, 93, 95, 101, 102, 106, 107, 112, 113, 114, 121, 124, 125, 128, 135, 136
Яшмоид	7, 33

И мы успели в книжку прямиком из Антарктиды

Пингвин, родохрозит, 11х6 см.

Пингвины, лазурит,
селенит, металл, 6х6 см.

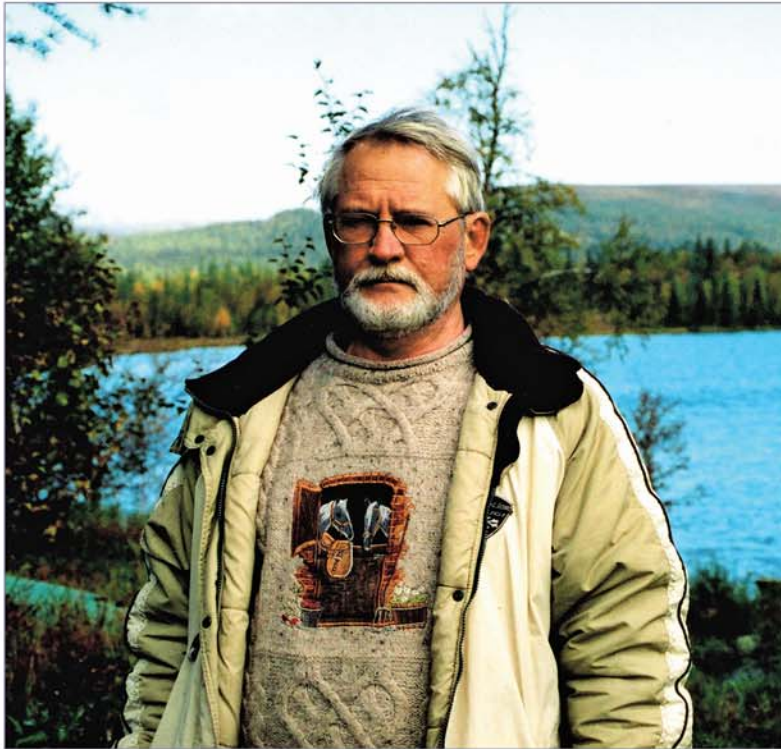
Фотографии фигурок и верстка — Р. А. Шуктомов

Подписано к печати 11.02.2012 Формат 84x108 1/16. Гарнитура Candara.
Печать офсетная Усл. печ. л. 16. Уч. изд. л. 16 Тираж 1000 экз. Заказ № 888

Издательско-информационный отдел
Института геологии Коми НЦ УрО РАН
167982, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 54

ISBN 978-5-98491-049-1

Боровинских Александр Павлович

Родился на Южном Урале в 1948 году. Детство прошло в селе Калачево Челябинской области. После окончания школы поступил в Миасский геологоразведочный техникум. По окончании техникума работал в геологических организациях в Южном Казахстане, Киргизии, Таджикистане. Службу в Советской Армии проходил в г. Самарканде. После армии возвратился на Урал, с которым связал всю последующую геологическую деятельность: от Южного Урала до Пай-Хоя с отвлечением на Тимано-Печорскую нефтегазоносную провинцию.

В эти же годы заочно закончил геологический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького.

Прошел путь от техника-геолога до министра природных ресурсов Республики Коми.

Заслуженный геолог России, заслуженный работник Республики Коми, награжден рядом государственных и ведомственных наград, доктор геолого-минералогических наук.

Заядлый путешественник! С группой друзей-единомышленников посетил многие регионы России и мира. Только в последние годы побывал на Алтае, Камчатке, Байкале, странах Скандинавии, Карелии, Кубе, Австралии, Сингапуре, Бразилии, Чили, Аргентине, сплавился практически по всем рекам Северного, Приполярного, Полярного Урала. В январе 2013 года завершена экспедиция в Антарктиду. Готовится бросок на плато Путорана (север Красноярского края).